

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3 (80). С. 65–74.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 3 (80). P. 65–74.

Научная статья

УДК 32

doi: 10.54398/1818-510X.2024.80.3.007

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ГРАЖДАНИНОМ И ГОСУДАРСТВОМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: К ВОПРОСУ О СВЯЗИ СУВЕРЕНИТЕТА С ОБЩЕНИЕМ И ПРАВОМ НА РИСК

Белоус Владимир Григорьевич¹, Никифоров Александр Андреевич²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹ vladbel2003@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1229-0696>

² nikiforov@politpro.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-8754-9933>

Аннотация. Авторы статьи анализируют политику, общение и восприятие риска на примере современной России в контексте широкого спектра политико-философских идей: от Аристотеля до М. Фуко. Политика рассматривается как сфера общения и культуры. Авторы интересуются, каким образом в условиях цифровой трансформации осуществляется взаимосвязь между суверенитетом граждан, с одной стороны, и преодолением рисков – с другой. Подчеркивается, что игнорирование ценностей и перспектив внутригосударственного общения является показателем кризиса современной политики. Авторы указывают на эволюцию способов управления рисками от принятия индивидуальной ответственности к делегированию этой ответственности государству. Кроме того, рассматривается влияние цифровизации на доверие между государством и гражданами, подчеркивается важность симметричного анализа доверия как к государству, так и к гражданам. В итоге делается вывод о необходимости выработки новых практических методов анализа цифровых дискурсов для оценки доверия между государством и гражданами. Лейтмотивом статьи является поиск новых подходов к общению, управлению рисками и установлению доверия в современной политике, особенно в условиях цифровизации; данные аспекты представлены как ключевые для социокультурного развития общества.

Ключевые слова: суверенитет, государство, правительственность, гражданин, доверие, общение, культура, коммуникация, цифровизация, риск

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Для цитирования: Белоус В. Г., Никифоров А. А. Проблема доверия между гражданином и государством в условиях цифровизации: к вопросу о связи суверенитета с общением и правом на риск // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3 (80). С. 65–74. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.80.3.007>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE ISSUE OF TRUST BETWEEN A CITIZEN AND THE STATE
IN THE CONTEXT OF DIGITIZATION: ON THE RELATIONSHIP BETWEEN SOVEREIGNTY,
COMMUNICATION, AND THE RIGHT TO RISK

Vladimir G. Belous¹, Alexander A. Nikiforov²✉

^{1, 2} Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹ vladbel2003@list.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1229-0696>

² nikiforov@politpro.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-9933>

Abstract. The given article analyzes politics, communication and risk-perception in the context of contemporary Russia. Research design is based on the ideas of Aristotle, and the concept of governmentality of M. Foucault. The authors investigate the relationship between politics as an area of communication, and culture, and the sovereignty of citizens, on the other hand, the paper reflects on the role of risk in formation of civic sovereignty. It is emphasized that ignoring the values and prospects of domestic communication is an indicator of the crisis of modern politics. The authors point to the evolution of risk-management approach from taking individual responsibility to delegating this responsibility to the state. In addition, the arguing is considered the impact of digitalization on trust between the state and citizens. It is emphasized the importance of a symmetrical analysis of trust in both the state and citizens. As a result, the article reflects on the need to develop new practical methods of analyzing digital discourses to assess trust between the state and citizens. The general theme of the article is the search for a new approaches to communication, risk management and building trust in modern politics, especially in the context of digitalization, that presents such important aspects of socio-cultural development of society.

Keywords: sovereignty, state, governmentality, citizen, trust, association, culture, communication, digitalization, risk

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation No. 22-78-10049 "The State and the citizen in the new digital reality".

For citation: Belous V. G., Nikiforov A. A. The issue of trust between a citizen and the state in the context of digitization: on the relationship between sovereignty, communication, and the right to risk. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 3 (80), pp. 65–74. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.80.3.007>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Как и во времена Аристотеля, политика есть не что иное как общение людей, и таковое общение древнегреческий философ именует «государством»: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся (stokhadzontai) к тому или иному благу, причём больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [1, с. 376]. Соответственно, любая научная дискуссия вокруг прошлого, настоящего и будущего политики любого государства непременно должна разворачиваться вокруг проблемы общения составляющих его (государства) членов, именуемых «гражданами»

Политика как сфера общения людей есть область разворачивания культуры в самом широком смысле данного слова, т. е. общественного самосознания и философской, смысловой, коммуникации. Реальная политика, которая низводит данное общение к примитивным технологиям и манипуляциям, отказывает людям в ориентации на суверенитет (т. е. независимое и самодостаточное благо), что само по себе свидетельствует о кризисе современной культуры, и данное обстоятельство не может не сказываться негативным образом на политике, т. е. на общении (коммуникации) современных

россиян друг с другом. В конце концов игнорирование перспективных целей внутригосударственного общения граждан является одним из наглядных показателей современной политики так называемой «постправды», адепты которой словно стесняются ориентироваться на ценности и действуют так, будто «всё дозволено» (Ф. М. Достоевский).

Вместе с этим представляется, что вопрос о суверенитете человека общественного может быть рассмотрен с другой стороны, если в качестве ориентира взять риск или, если точнее, принцип права принимать на себя риск и управлять им. В этом случае мы получаем новое измерение для соотношения ролей гражданина и государства. В целом исторически общество в вопросе понимания и управления рисками / угрозами движется от принципа их принятия как личного и общественного бремени к делегированию в пользу «всего общества» или «государства». Как отмечает на примере американской истории А. Мохун, именно Просвещение сыграло ключевую роль для формирования способов понимания и управления рисками Модерна: систематический анализ реальности, расцвет науки и использование технологических решений привели к замене традиционных методов управления рисками, которые по большей части ранее связаны с принятием сверхъестественных объяснений бедствий и общей практикой молитвы как способа управления риском [16].

Данная статья продолжает наши исследования [3; 7] и опирается на идею политики как общения у Аристотеля, а также проблему восприятия риска для того, чтобы осмыслить вопрос суверенитета в условиях цифровизации, определить способы формирования и измерения доверия между государством и гражданами в современной России.

Основная часть

Появление современных способов управления рисками и угрозами связано с формированием модернистского государства на принципах централизованной *правительственности* [8], когда на базе знаний XVIII в. в ранней социологии и медицине инструментальная рациональность охватывает всё более широкие области, представляя в настоящее время режимы отраслевого управления рисками и с соответствующими моделями менеджмента, а также нормализацию и метарегулирование рисков со стороны акторов, которым делегированы государством эти права [12]. Существующая конвенциональная модель государства как центрального правительства предполагает для него если не централизующую функцию, то определённо ключевую роль в поддержании режимов общих норм в границах юрисдикции для областей социального действия. Это устанавливает для политик принцип государственной способности, которая определяется как состоятельность в регулировании территории, поддержании безопасности, правопорядка, мер социальной поддержки. Различные индексы и рейтинги государственной (не)состоятельности устанавливают связь с качеством управления, что по причине их общей ориентации на безопасность и контроль соотносимо с принципом эффективности управления угрозами / рисками.

Процесс концентрации управления рисками в руках государств связан с делегированием права на управление ими тем, кто взаимодействует с неопределённостью, и по этой причине требует автономии в выборе способов взаимодействия (коммуникации) с новым. Исторически мы можем найти достаточно много примеров реализации этого принципа. Взять, скажем, возникновение политики владения оружием в США, которая основывается на этике фронта и защиты штата [17]. Сама североамериканская колонизация опиралась на экономически независимое белое мужское население, способное лично и в коллективах осваивать новые земли, полностью беря на себя риски со стороны дикой природы, других колонистов и индейских племён в условиях отсутствия централизованного государства, появление которого в ходе войны за независимость обеспечило американцев на уровне штатов правом на оружие для защиты узурпации прав со стороны внешних и внутренних врагов, если речь идёт о непрекращающихся в США дебатах о полномочиях центрального правительства.

Примечательно, что в настоящее время право на риск относится, с одной стороны, к действию экстренных служб, правоохранительных органов, вооружённых сил и, с другой стороны, инвестиционной и инновационной деятельности, тогда как связь

непосредственно человека с риском всё более подлежит контролю из предосторожности. Это характерно для проблематики изучения «рискованного поведения» в контексте безопасности и сбережения человеческого капитала как производительных сил: превышение скорости, использование алкоголя и наркотических средств, сексуальный риск и др. Современные исследования демонстрируют связь данной проблемы с мужским гендером, когда маскулинность рассматривается как медиатор рискованного поведения относительно вопросов здоровья и социальной безопасности [11]. Если исторически мы видели примеры биополитики, когда рискованное поведение поощрялось при использовании с целью колонизации и ведения военных действий, то в настоящий момент управление в этом вопросе носит более специализированный характер. Это могут быть соревнования опасного или экстремального вида спорта, служба в силовых подразделениях или вооружённых силах, которые, как отмечают исследователи, продолжают формировать готовность к рискованному поведению [9].

Принцип правительственности М. Фуко через оптику современной институциональной теории может быть дополнен моделью коммуникации, в которой государственные комиссии, научные и экспертные объединения и НКО наделяются эпистемологической легитимностью, поскольку берут на себя полномочия формировать модели представлений об отдельных аспектах реальности [13]. Эпистемологическая легитимность призвана обеспечить доверие к механизмам предметного управления, которые становятся всё более востребованными для расширяющихся рынков товаров и услуг. Соответственно, под определение и регулирование попадают области, автономия социального действия граждан, в рамках которых существовала не с столько с точки зрения правовых гарантии, сколько с точки зрения отсутствия правовой регламентации (например, воспитание детей, семейные и в ряде случаев межличностные отношения).

У. Бек подмечает этот процесс через идею «раздвоенности гражданина» [2, с. 278–283], когда гражданин теряет возможность и способность посредством выборных механизмов регулировать то, что наука и экономика приносят (т. е. фиксируют как объекты управления) без его ведома. Подобная апроприация действительности может быть формой отчуждения для принципов гражданского, которое выступает здесь первичным укладом неформальной договорной основой областей социального действия, на смену которому приходит современное риск-регулирование как со стороны государства, так и со стороны институционализированных агентов.

Исходя из этого можно предложить интерпретацию гражданина. Они являются субъектом осознанного действия, поскольку действует готовый брать на себя риск и сообщать вести переговоры *ad hoc* в условиях вызовов и неопределённости. Такое понимание даёт нам возможность расширить понимание оснований недовольства и феномена постправды. Приверженность конспирологическим теориям объясняется «паникой агентности», являясь способом компенсировать утрату собственной субъектности [15]. После начала эпидемии COVID-19 подобные устремления создали протестную общественную инициативу, а на уровне общественного поведения привели к нередкому игнорированию антиковидных ограничений, что стало способом публичного выражения недоверия государству и манифестации права на риск через требование права самостоятельно распоряжаться своей жизнью и здоровьем [5, с. 498].

Соответственно, культура восприятия рисков, кроме различия в проблемных повестках и особенностей коммуникации по их поводу [18], может иметь ещё одну особенность, связанную с логикой ответственности. С одной стороны, это культура, основанная на принципе социализации риска, когда контроль над ним обеспечивается гражданами индивидуально или коллективно в рамках их автономии (сдерживание регулирования). С другой – культура на принципе делегирования, при котором правительство или институты метарегулирования получают возможности и согласует меры для управления рисками.

Ещё одним признаком современного кризиса культуры / политики является то обстоятельство, что в иерархии государственных целей Российской Федерации исчезает

отдельный человек («каждый»!). Вокруг проблематики человека во многом формировалась эпистемологическая база позднего советского общества и теории научного коммунизма, которая, возможно, вызывает ностальгию у некоторых наших современников, тоскующих по «государственной идеологии». Теория научного коммунизма 1970-х гг. была разновидностью научной схоластики, но она одновременно была и гуманистической, а вовсе не пресловутым тупым «обществознанием», на что косвенно указывает центральный тезис «послебрежневского» Ю. В. Андропова о том, что эти самые обществоведы совершенно не знают общество, в котором живут. «Новое мышление», о котором в 1988 г. написал М. С. Горбачёв, стало сигналом назревших изменений как в культуре, так и в самом человеке.

Об актуальности оценки Андропова свидетельствует тот факт, что и сегодня люди, интеллектуально квалифицированные в своей совокупности: дипломированные философы, политологи, социологи, антропологи и прочие – мало что знают об обществе, в котором живут вот уже третье десятилетие третьего тысячелетия от Рождества Христова. Современные граждане, жители российских городов и весей общаются между собой в условиях, обобщённо именуемых «цифровизацией». Этот популярный термин квалифицирует относительно новую феноменальную реальность XXI столетия. Вопрос, который стоит сегодня перед нами, не сложен: какие «возможности» и «угрозы» скрывает в себе эта самая цифровизация? На первый взгляд, мы имеем дело всего лишь с одной из многих бывших в истории человечества технологических революций. Главная возможность, которую вносила в жизнь рабочего новая технология, заключалась в значительном повышении производительности труда: она несла в себе все признаки прорыва, который требовал резкого изменения производительных сил, их сознания, организованности, уровня культуры в целом. Очевидная угроза состояла в значительном сокращении числа работников, необходимых для выполнения конкретной производственной задачи. К примеру: дорожный рабочий вечером ложится спать, на тот момент основным орудием его труда является лопата – ручной шанцевый инструмент. Просыпаясь наутро, тот же самый рабочий обнаруживает на улице, рядом с домом, экскаватор – новое, неизвестное ему доселе технологическое чудо, т. е. машину, наделённую большим количеством функций.

Политическая наука – область самосознания и самопознания общества. Здесь также всё зависит от культуры: попадая в новый для себя мир, политолог-интеллектуал даёт ему имена, которых прежде не было. Обратим внимание, что в нашу повседневность вошёл термин, который, собственно, и определил новое состояние человеческого общения: *человек стал пользователем* (англ. *user*). Мало кто знает, что это слово несёт за собой очень негативный социокультурный шлейф, которого, кстати, совершенно нет за нейтральной «цифровизацией». В современные дискурсивные практики *user* попадает как калька слова, которое в первоначальном значении (США начала 1970-х гг.) означало человека, потребляющего / распространяющего наркотики. В отечественный лексикон слово вошло лет двадцать спустя, в начале 1990-х гг. Приведём цитату из словаря современного языка: юзер – это «изначально пользователь какой-либо компьютерной системы, устройства, сайта, программы. Со временем это слово перешло в бытовую жизнь, теперь юзерами стали пользователи всего чего угодно, а словосочетания “бывший в употреблении” или “использованный” можно смело заменить словом “поюзанный”» [6]. Так вот, наш язык чётко зафиксировал главную особенность новых отношений человека со своими инструментами – это невиданную доселе зависимость человека от новых форм и технологий, которые поглотили многие прежде существовавшие инструменты общения: телефон и телевидение; газеты и радиоточки, пишущие машинки и многое другое.

Уместно вспомнить, что гражданин – это всего-навсего горожанин, житель современного мира, человек, живущий в сообществе себе подобных: в любом территориальном образовании – в полисе, мегаполисе, на хуторе и прочее. Вместе с тем статус гражданина даётся каждому человеку по самому факту рождения. Современные граждане, независимо от возраста и пола, статуса и доходов, сегодня используют новейшие

инструменты и технологии, которые обобщённо и, быть может, не вполне корректно именуются «цифровизацией». Базовая концепция отношений государства и гражданина отталкивается от следующей схемы: государство концентрируется на полновластии – относительно внутренней и внешней политик. Что же касается гражданина, то своим титульным статусом (= гражданство) он всецело обязан государству. Главная возможность, которая (пока только технологически) открывается перед человечеством, – это сделать каждого человека участником политического общения. Если такую перспективу перевести в разряд первоочередных задач современной российской политики, то увидим, что эта задача совсем не технологическая (американские Стивы Джобсы уже придумали телефоны и прочие аксессуары, а русские Павлы Дуровы – мессенджеры), а вполне политическая, имеющая прямое отношение к государственному суверенитету, т. е. к полноте государственной власти, которая (полнота) осуществляется как раз через новые коммуникативные возможности, которые возникают на конкретном участке, именуемом «обратной связью», чего не было в советском обществе.

Нас интересуют не технологические, а непосредственно политические (т. е. гуманитаристские, экзистенциальные) последствия цифровизации, в том числе связь новых форм общения с проблемой суверенитета. Главный вопрос: каким образом формируются современные принципы высшего блага, т. е. ценностный фундамент современной политики? Одним из характерных признаков актуальной постправды является то обстоятельство, что Россия давно уже существует в мире товарно-денежных отношений и капиталистических ценностей, отчасти не желая этот факт («правду-истину») признавать. В современных товарно-денежных отношениях гражданство и гражданин приобрели не только цифровые характеристики, но и статус товара, т. е. они (граждане) теперь продаются и покупаются. О каком суверенитете может идти речь, если на распродажу выставляется сам гражданин – основа и имманентная цель государственности?

Последние десятилетия создали феномен гражданства под инвестиции, рейтинги силы паспортов, что коснулось не только представителей верхних страт общества (инвесторы, технические специалисты) [19], но и нижних (беженцы из бедных стран африканского континента) [14].

Гражданин суть продукт отношений с государственным целым, которое в разных системах координат именуется полисом, городом-государством, обществом (социумом), государством и т. д. Между технологиями и политикой существует принципиальная разница. Если экскаватор нужен работнику для выполнения конкретного производственного задания, то политика прямо обуславливает человеческую экзистенцию, формируя политическое общение, которое, по словам Аристотеля, и называется государством. Что есть суверенитет? Независимость власти или её максимальная полнота?

В самом начале «Политики» (первый абзац 1 книги) Аристотель объясняет сущность, природу политического, употребляет *загадочное* слово «койнония». В классическом русском переводе (С. А. Жебелев) это слово переводится как общение. Англоязычные переводы трактуют термин как «общность», «общество», «коммуникация». Суверенитет относительно общения – это есть не что иное, как полнота: связей, отношений, взаимодействий; общение является внутренним побуждением = интенцией. Источником данной интенции выступает гражданин – это его индивидуальная потребность, а не стимул, привнесённый извне в виде обязанности или долга.

Разумеется, и политика (как сфера осуществления власти в обществе) не могла не стать универсальной практикой внедрения новых технологий, к которым современному человеку пришлось приспособливаться по причине зависимости от средств подачи информации: они стали более индивидуализированным, привязанными к конкретному лицу, которые деанонимизировали персону, разрушали её (персоны) собственное частное пространство. Выбрав однажды инструмент, человек не подозревал, что вместе с ним он «выбирает» новое, деперсонализированное пространство.

Эта зависимость касается и вопроса риска, поскольку современное риск-ориентированное регулирование, как в случае Европейского союза, имеет инженерную перспективу с ценностью «нормализации», когда последствия кризисных явлений должны быть сведены к нулю через восстановление [10]. С другой стороны, это касается цифровой трансформации, когда взаимодействие граждан с электронными сервисами опосредовано процедурами авторизации, протоколами обработки данных, которые технологически обуславливают действия. В более широком контексте современных технологий гражданин оказывается перед ограничениями, наложенными моделями управления рисками из принципа предосторожности (требования к авторизации, уровню допуска и т. п.). Эти принципы имеют границы, выраженные в реальном или цифровом пространстве (периметр безопасности, объём функциональных прав в информационной системе).

«Угроза» – ещё один из наиболее популярных концептов политического лексикона. В «Толковом словаре русского языка» В. Даля «угро́живать», т. е. угрожать, грозить, означает «держат кого-либо под страхом». Угроза есть нечто, благодаря чему и единичный человек, и социум держатся в состоянии постоянного страха. Если угроза располагается извне человека, то страх бытует внутри. Их объединяют неведение, разрушенная коммуникация между сознанием и миром. В мире новых зависимостей люди, которые организуют общение (т. е. власть), также попадают в зависимость от новых технологий. Но они не программисты-айтишники, а менеджеры. Да, у них есть ресурсы, но у них нет ни необходимых знаний, ни требуемых навыков. Как представляется, конфликт между теми, кого именуют условно *siloviki* (шире – политические администраторы), и группой *programmisty* (технические специалисты) содержит в себе потенциальные угрозы для самого внутригосударственного общения.

Одним из аспектов недоверия является перенесение в гуманитарную сферу логики причинности, характерной для естественных рисков и угроз, когда речь идёт о закрытых (изученных) системах. Иная ситуация в гуманитарной области – цифровые дискурсы несут двойную составляющую: гуманитарную в виде практики образования смыслов и персональных суждений; технологическую через инфраструктуру поддержания своего существования. Вместе это позволяет в логике естественных рисков идентифицировать «опасных агентов» через категории «недостоверной информации», «экстремистских материалов», «языка ненависти», размывая границы между частным мнением, публичным призывом и фактическим утверждением. Появление подобных надзорных и уголовных практик для цифровой среды подрывает исходные условия для коммуникации. При очевидных широчайших цифровых горизонтах это создаёт эффект новой «железной клетки»: надзор со стороны цифровой этики коммерческих платформ (США) vs. государственный контроль национального сегмента Интернет (КНР, Россия).

Характерно, что изначальное общение в Интернет развивалось на базе форумов с преобладанием соответствующей культуры тематических сообществ, модераторы которых санкционировали блокировку участников из позиции блага сообщества, а поисковые системы и программное обеспечение не могло эффективно следить за интернет-ресурсами, как если бы это была единая база данных. Однако переход на новые социальные медиа заменил данные сообщества потоковым форматом коммуникации, когда блокирование пользователей либо оказывается делегировано администрации платформы, либо модераторам, которые не имеют информации об участниках (характерная для форумов информация об участниках отсутствует), что в результате позволяет говорить о дефиците доверия в цифровой среде [4].

В этом отношении для цифрового государства в России электронные дискурсы оказываются, с одной стороны, желаемой формой коммуникации в силу прямой возможности взаимодействия с гражданами, с другой – во многом дисфункциональной средой, в котором гражданские принципы подчинены целям государства как основного цифрового администратора, и, соответственно, могут рассматриваться как небезопасные.

Вместе с тем можно сформулировать ряд методологических принципов анализа цифровых дискурсов на предмет оценки доверия между гражданином и государством. Это предполагает симметричный характер анализа, когда объектами доверия является как государство, так и гражданин. В случае граждан это проблема доверия возникает из запроса на регулирования, либо из потребности в самоорганизации и сдерживании регулирования со стороны государства.

В случае оценки доверия государству речь идёт об наличии следующих высказываний (относительно уровней публичной власти): а) действия органов власти или регулирующее воздействие является недостаточным или дисфункциональным; б) оспаривается необходимость регулирующих воздействий; в) отдаётся предпочтение иным историческим формам государственности (местным или иностранным); г) органам публичной власти отказано в статусе выразителей интересов граждан.

Когда мы говорим об оценке доверия граждан со стороны (представителей) органов публичной власти важным является выражение следующих принципов: а) гражданин не должен иметь право на участие в регулировании; б) граждане не должны иметь возможность брать на себя риски и распоряжаться ими; в) принцип действия из предосторожности является более значимым, чем индивидуальное право; г) принцип предосторожности выполняет институционализирующую роль в регулировании; д) регулирование рассматривается как более предпочтительный механизм, нежели делегирование гражданам прав самостоятельно принимать решение.

Выводы

Происходящая цифровая трансформация формирует перед гражданами и государством общее пространство, в котором риски соизмеряются с возможностями действий, а гуманитарная составляющая соседствует с детерминизмом технической инфраструктуры циркулирующей информации. В этих условиях возникает дуализм гражданской субъектности, когда права и свободы сталкиваются с условиями их использования на уровне цифровых сервисов. Риск-ориентированное регулирование в своей инструментальной рациональности ставит вопрос о возможности коммуникации граждан и государства и, соответственно, о доверии между ними. Вопрос об управлении риском является значимым маркером, который формирует оппозицию между запросом на общее регулирование и правом на автономное совместное управление им.

В этих условиях вопрос о суверенитете состоит не в возможности управления границами и доступа к коммуникации с гражданами, как если бы речь шла о противодействии естественным угрозам, а в избегании инструментального управления в пользу полноты коммуникации как общения, основанного на принадлежности к сообществам, достаточно самостоятельным для управления рисками и определения своей связи с общими ценностями.

В этой связи можно указывать на потенциальный конфликт политических и «цифровых» администраторов: собственников ресурсов и потенциальных (или реальных?) космополитов – людей, привязанных не к сообществу, а к универсальным технологиям.

Список литературы

1. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-традиция, 2000. – 384 с.
3. Белоус, В. Г. Гражданин как пользователь: юзер или программист? (О некоторых социально-политических последствиях цифровизации) / В. Г. Белоус // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, М. М. Мchedловой, Л. Н. Тимофеевой. – Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2023. – С. 65–66.
4. Кавеева, А. Д. Ускользающее доверие в цифровых коммуникациях: что связывает пользователей в виртуальных сообществах? / А. Д. Кавеева, Л. А. Сабурова, Ю. Ю. Эстрина // Антиномии. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 45–65. – doi: 10.24411/2686-7206-2019-00008.

5. Кирзюк, А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды / А. А. Кирзюк // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 2. – С. 484–509. – doi: 10.14515/monitoring.2021.2.1776.
6. Кто такой юзер? – URL: <https://myslang.ru/slovo/yuzer> (дата обращения: 07.04.2024).
7. Никифоров, А. А. Онтологическое и политическое измерения риск-рефлексии: общество риска и цифровая трансформация / А. А. Никифоров // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 489–503. – doi: 10.21638/spbu23.2022.409.
8. Фуко, М. Правительственность (идея государственного интереса и её генезис) / М. Фуко // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 4–22.
9. Breivik, G. Risk-Taking and Sensation Seeking in Military Contexts: A Literature Review / G. Breivik, T. S. Sand, A. M. Sookermany // SAGE Open. – 2019. – Vol. 9, № 1. – P. 1–13. – doi: 10.1177/2158244018824498.
10. Brender, N. Risk perception and risk management in cloud computing: Results from a case study of Swiss companies / N. Brender, I. Markov // International journal of information management. – 2013. – Vol. 33, № 5. – P. 726–733. – doi: 10.1016/j.ijinfomgt.2013.05.004.
11. Broom, A. Men's health: Body, identity and social context / A. Broom, P. Tovey. – New Jersey : John Wiley & Sons, 2009. – 222 p.
12. Bunton, R. Foucault, health and medicine / R. Bunton, A. Peterson. – New York : Routledge, 1997. – 266 p.
13. Dequech, D. Economic institutions: explanations for conformity and room for deviation / D. Dequech // Journal of Institutional Economics. – 2013. – Vol. 9, № 1. – P. 81–108. – doi: 10.1017/S1744137412000197.
14. Hansen, R. State controls: Borders, refugees, and citizenship / R. Hansen // The Oxford handbook of refugee and forced migration studies. – Oxford : University Press, 2014. – P. 253–264.
15. Melley, T. Agency panic and the culture of conspiracy / T. Melley // Conspiracy nation: The politics of paranoia in postwar America / ed. by P. Knight. – New York : New York University Press, 2002. – P. 57–81.
16. Mohun, A. P. Risk: negotiating safety in American Society / A. P. Mohun. – Baltimore, Md. : Johns Hopkins University Press, 2013. – 329 p.
17. Rønnedal, V. S. S. The Politics of Gun Control in the United States: A Historical Perspective on the Second Amendment / V. S. S. Rønnedal // Leviathan: Interdisciplinary Journal in English. – 2019. – № 5. – P. 46–59. – doi: 10.7146/lev.v0i5.115497.
18. Sunstein, C. R. Precautions against What-The Availability Heuristic and Cross-Cultural Risk Perceptions / C. R. Sunstein // Law and Economics, University of Chicago Law School. Working Paper. – 2004. – Vol. 13, № 20. – P. 1–38. – doi: 10.2139/ssrn.578303.
19. Surak, K. Millionaire mobility and the sale of citizenship / K. Surak // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2021. – Vol. 47, № 1. – P. 166–189. – doi: 10.1080/1369183X.2020.1758554.

References

1. Aristotel. Politika [Politics]. *Aristotel. Sochineniya: v 4 tomakh* [Aristotle. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl; 1983, vol. 4, 830 p.
2. Beck, U. *Obschestvo riska. Na puti k drugomy moderny* [Risk society. Towards a new modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000, 384 p.
3. Belous, V. G. Grazhdanin kak polzovatel: yuzer ili programmist? (O nekotorykh sotsialno-politicheskikh posledstviyakh tsifrovizatsii) [A citizen as a user: a user or a programmer? (On some socio-political consequences of digitalization)]. *Politicheskaya nauka v menyayushchemsya mire: novye praktiki i teoreticheskiy poisk* [Political science in a changing world: new practices and theoretical search]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2023, pp. 65–66.
4. Kaveeva, A. D., Saburova, L. A., Yestrina, U. U. Uskolzayushchee doverie k tsifrovym kommunikatsiyam: chto obedinyaet polzovateley v virtualnykh soobshchestvakh? [Elusive trust in digital communications: what connects users in virtual communities?]. *Antinomii* [Antinomies]. 2019, no. 4 (19), pp. 45–65, doi: 10.24411/2686-7206-2019-00008.
5. Kirzyuk, A. A. “U menya net strakha”: kovid-dissidenty v poiskakh agentnosti i pravdy [“I have no fear”: Covid-Dissidents in search of Agency and truth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2021, no. 2, pp. 484–509, doi: 10.14515/monitoring.2021.2.1776.
6. *Kto takoy user?* [Who is a user?]. Available at: <https://myslang.ru/slovo/yuzer> (accessed: 07.04.2024).
7. Nikiforov, A. A. Ontologicheskoe i politicheskoe izmereniya risk-refleksii: obshchestvo riska i tsifrovaya transformatsiya [Ontological and political dimensions of reflection on risk: Risk society

and digitalization]. *Politicheskaya Ekspertiza. POLITEKS* [Political Expertise. POLITEX], 2022, vol. 18, no. 4, pp. 489–503, doi: 10.21638/spbu23.2022.409.

8. Foucault, M. *Pravitelstvennost (ideya gosudarstvennogo interesa i ee genesis)* [Governmentality (the idea of public interest and its genesis)]. *Logos*. 2003, no. 4–5, pp. 4–22.

9. Breivik, G., Sand, T. S., Sookermany, A. M. Risk-Taking and Sensation Seeking in Military Contexts: A Literature Review. *SAGE Open*. 2019, vol. 9, no. 1, pp. 1–13, doi: 10.1177/2158244018824498.

10. Brender, N., Markov, I. Risk perception and risk management in cloud computing: Results from a case study of Swiss companies. *International journal of information management*. 2013, vol. 33, no. 5, pp. 726–733, doi: 10.1016/j.ijinfomgt.2013.05.004.

11. Broom, A., Tovey, P. *Men's health: Body, identity and social context*. New Jersey: John Wiley & Sons; 2009, 222 p.

12. Bunton, R., Petersen, A. *Foucault, health and medicine*. New York: Routledge; 1997, 266 p.

13. Dequech, D. Economic institutions: explanations for conformity and room for deviation. *Journal of Institutional Economics*. 2013, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.

14. Hansen, R. State controls: Borders, refugees, and citizenship. *The Oxford handbook of refugee and forced migration studies*. Oxford: University Press; 2014, pp. 253–264.

15. Melley, T. Agency panic and the culture of conspiracy in *Conspiracy nation: The politics of paranoia in postwar America*. Ed. by P. Knight. New York: New York University Press; 2002, pp. 57–81.

16. Mohun, A. P. *Risk: negotiating safety in American Society*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press; 2013, 329 p.

17. Rønnedal, V. S. S. The Politics of Gun Control in the United States: A Historical Perspective on the Second Amendment. *Leviathan: Interdisciplinary Journal in English*. 2019, no. 5, pp. 46–59, doi: 10.7146/lev.v0i5.115497.

18. Sunstein, C. R. Precautions against What-The Availability Heuristic and Cross-Cultural Risk Perceptions. *Law and Economics, University of Chicago Law School. Working Paper*. 2004, vol. 13, no. 20, pp. 1–38, doi: 10.2139/ssrn.578303.

19. Surak, K. Millionaire mobility and the sale of citizenship. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021, vol. 47, no. 1, pp. 166–189, doi: 10.1080/1369183X.2020.1758554.

Информация об авторах

Белоус В. Г. – доктор философских наук, доцент;

Никифоров А. А. – кандидат политических наук.

Information about the authors

Belous V. G. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor;

Nikiforov A. A. – Candidate of Political Science.

Вклад авторов

Белоус В. Г. – разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание исходного текста, итоговые выводы;

Никифоров А. А. – написание исходного текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Belous V. G. – research concept, justification of the purpose of the article, writing the draft, final conclusions;

Nikiforov A. A. – writing the draft; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication 28.06.2024.